

ОТЗЫВ

на диссертацию Д.В. Диденко «**Человеческий капитал как фактор развития российской интеллектуалоемкой экономики в компаративном контексте (историко-экономический анализ)**» на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория (область исследования: экономическая история).

Диссертационная работа Д.В. Диденко посвящена исключительно важной для мира и особенно России проблеме состояния и развития человеческого капитала и интеллектуальной экономики. Эту проблему Диденко рассматривает в контексте различных этапов модернизации экономики, для которой, по его мнению, в настоящее время именно состояние человеческого капитала имеет наибольшее значение в отличие от 18 и 19 века, когда наибольшее значение имело состояние физического капитала. Хотя по этой проблеме в мире, преимущественно западном, и в постсоветской России написано немало, Диденко смог в диссертации существенно продвинуть эти исследования применительно прежде всего к России. Остановлюсь на наиболее важных и особенно спорных моментах ее содержания.

Диденко показывает поразительное знание и понимание огромного количества вышедшей в мире и России литературы по теме. Она охватывает применительно к России даже малоизвестные и недооцененные работы, скажем, вышедшую в 1924 году работу Струмилина о значении образования, намного опередившую западные работы по проблеме значения человеческого капитала. Диденко проделал огромную, поистине новаторскую работу по исчислению многочисленных показателей развития человеческого капитала, объема и структуры интеллектуальной экономики России, позволяющую значительно лучше оценить эти показатели с точки зрения состояния и перспектив модернизации российской экономики, экономического роста в

России. Именно высокие качества работы вызывают желание оспорить некоторые ее положения.

Наибольшие трудности для исследователя представляли расчеты стоимости человеческого капитала. При этом он столкнулся с необходимостью поиска и обработки огромного ранее не использованного для этой цели статистического материала по дореволюционной России, СССР и постсоветской России. Проявленные автором усилия по нахождению, определению надежности источников и расчетам объема и динамики человеческого капитала заслуживают восхищения. Они значительно обогащают наши представления о развитии российской, советской и постсоветской экономики и общества.

Если говорить о дореволюционном периоде, то он ограничивается состоянием образования в России в сравнении с отдельными странами мира в 1885 и 1913 годы. Из этого сравнения (с. 173) неожиданно для многих, как будто следует, что у России с этим показателем дело обстояло благополучно, поскольку доля расходов на образование в России в ВВП в 1913 году (2%) находилось на уровне США, превышала уровень Англии и Уэльса и лишь незначительно уступала уровню Германии, серьезно уступая лишь Японии (2,5%). Не уступали они и уровню Англии и Уэльса в 1885 году. При всей важности этого расчета и сравнения, говорящего о больших усилиях Российского государства в развитии человеческого капитала перед Первой мировой войной, он может дать основания для ошибочных выводов о состоянии человеческого капитала в дореволюционной России, преувеличивая его уровень. Русско-японская и Первая мировая война показали слабость российского человеческого капитала России как на фронте, так и в тылу. В указанных расчетах невольно игнорируется крайне низкий уровень образования в период до 1885 года. Важное значение имеет также структура и качество образования.

Но, конечно, для нас наиболее важны расчеты объема и эффективности использования человеческого капитала в советской и постсоветской

экономике в увязке с динамикой ВВП. Особенно сложные проблемы в этих расчетах связаны с динамикой физического и человеческого капитала в эти периоды в связи с известными проблемами в советской макроэкономической статистике. В виду грубой ошибочности расчета динамики основных фондов в советской и постсоветской статистике, совершенно оправданно Диденко обращается к альтернативным оценкам западных советологов. Они, несомненно, несравненно более точны, чем расчеты ЦСУ СССР, но завершаются началом 1960 годов. Позволю себе, однако, обратить внимание на мою критику этих расчетов за их заниженность в книге "Советский экономический рост: анализ западных оценок" (2003) и мои расчеты за весь советский период, начиная с 1928 года (Ханин Г.И., 1989. Об оценке объема и динамики основных производственных фондов // *Экономические науки*. № 6), поскольку наиболее обоснованные западные оценки завершались началом 1960 годов. За постсоветский период Диденко с коллегами по проекту CLIO-INFRA проделал собственные расчеты динамики основных фондов, более точные, чем данные Росстата (с. 220). И все же и они, как показывают наши с Д. Фоминым расчеты (Ханин Г.И., Фомин Д.А., 2007. Потребление и накопление основного капитала в России: альтернативная оценка // *Проблемы прогнозирования*. № 1), опирающиеся на расчеты восстановительной стоимости основных фондов, преувеличивают размеры этого роста в советский период и преуменьшают размеры его падения в постсоветский период. Это связано с тем, что в них не учитывается огромное (примерно в 8 раз, по нашим подсчетам) размер превышения восстановительной стоимости основных фондов над их учетной стоимостью, что соответственно сказывается и на размере износа основных фондов. При определении доли валового накопления основного капитала в ВВП Диденко опирается на данные Росстата. По моему мнению, более точны данные международных сопоставлений ООН, опирающиеся на широкую статистическую базу, которые значительно ниже.

Что касается расчета динамики человеческого капитала, то он их проделал на основе убедительно обосновываемых им методик, разработанных его коллегами, и огромного исходного материала, тщательно и умело им обработанного. Наиболее интересным и новым из проделанных расчетов является вывод о том, что в ряде периодов советской истории динамика человеческого капитала, рассчитанная на базе расходов на образование, науку и здравоохранение, опережала динамику физического капитала. В этом отношении тенденции в советской и западной экономик совпадали. Тем более неожиданным, однако, на этом фоне может показаться кризис советской экономики и общества в период перестройки.

Сопоставляя взятые из западных оценок динамику ВВП и человеческого капитала, он приходит к выводу, что в советской экономике человеческий капитал, особенно в сталинский период и в 1960 годы, развивался чрезвычайно быстро, но его эффективность снижалась в большинстве периодов. Этот вывод хорошо согласуется со здравым смыслом и знанием реалий советского общества (заметным исключением являлся военно-промышленный комплекс). Вместе с тем, быстрое количественное развитие человеческого капитала, безусловно, являлся важнейшим фактором экономического роста в СССР. В этих очень интересных расчетах имеется, однако, по моему мнению существенный пробел. Они не учитывают огромные его потери в результате многочисленных и кровавых войн, репрессий, голода, ряда волн эмиграции. Все это начиная с русско-японской войны. Эти потери исчисляются многими десятками миллионов человек, при том нередко (по ученым и деятелям литературы и искусства) относящимся к цвету нации. Конечно, исчислить эти потери в стоимостном выражении очень сложно, но упомянуть о них следовало при объяснении причин замедления экономического роста СССР и РФ. Эти огромные потери негативно влияли на динамику человеческого капитала и, в конечном счете, явились важнейшим фактором кризиса советской экономики и общества в 1980 годы и последующих 25 лет экономического развития РФ, о чем

говорит тот факт, что по нашим расчетам, ВВП РФ до сих пор так и не достиг уровня 1987 года (Ханин Г.И., Фомин Д.А., 2014. Экономический кризис 2010-х годов в России: причины, последствия, пути выхода // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 12. № 4). С учетом этих потерь, придется скорректировать данные о динамике эффективности использования человеческого капитала. Хочу обратить внимание на потери среди наиболее талантливой части общества, которая в этот период больше всего страдала. Если говорить о более мне знакомых ученых-экономистах, то при всем уважении к десяткам современных талантливых российских экономистов, они явно проигрывают в образованности и яркости таланта таким советским экономистам 1920 годов, внесшим большой вклад в мировую экономическую науку, как Николай Кондратьев, Евгений Преображенский и Леонид Юровский и даже 1930-50 годов, как Станислав Струмилин, Петр Лященко, Евгений Варга, Иосиф Трахтенберг, Андрей Аникин, Фаддей Михалевский и ряд других. Жалобы на невосполнимые потери сопровождают смерть многих выдающихся ученых и деятелей литературы и искусства старшего поколения.

Наиболее спорными являются оценки постсоветской динамики человеческого капитала. Рассчитанное его сокращение в 1990 годы хорошо согласуется со здравым смыслом и фактами экономической и социальной жизни в этот период. Менее убедительны результаты расчетов за 2000 годы. Происходивший (хотя и сильно преувеличенный Росстатом) экономический подъем опирался, по нашим (с Д.А. Фоминым) подсчетам, преимущественно на незагруженные в 1990 годы резервы физического и человеческого капитала и остановился в конце 2000 годов в связи с их исчерпанием.

Безусловно, в связи с ростом мировых цен на нефть и экономическим подъемом 2000 годов значительно повысились возможности государства финансировать вложения в человеческий капитал и положение здесь стало улучшаться в сравнении с 1990 годами. Вопрос в том, насколько значительно.

Свидетельством роста человеческого капитала в 2000 годы могли бы служить данные о росте валового и чистого экспорта интеллектуалоемкой продукции и услуг. Однако, в таблице П.16 (с. 369) приводятся лишь конечные результаты расчета по довольно узкому кругу продуктов, из которого выпала продукция военно-промышленного комплекса. Желательно было привести исходные данные расчета. В пользу концепции автора говорит очень значительный (в несколько раз) рост экспорта военной продукции. Здесь следует отметить, что этот рост происходил по советским образцам военной техники. Но конечные данные расчета чистого экспорта товаров говорят об ухудшении конкурентных позиций России по этим товарам. В то же время таблица П.18 (с. 370) по чистому экспорту интеллектуальных услуг показывает, что отрицательное чистое сальдо экспорта в начале 2000 годов сменилось на положительное с 2003 года, хотя и уменьшающееся впоследствии. Но в их важнейшей части по роялти и лицензионным платежам положение не улучшилось. Если сюда добавить почти полное отсутствие Нобелевских премий и крайне низкий рейтинг высших учебных заведений РФ, почти пустые библиотеки и книжные магазины (я видел в Мюнхене осенью прошлого года почти заполненные залы Баварской Государственной библиотеки и переполненные огромные книжные магазины), то сделанный автором вывод о росте человеческого капитала в 2000 годы выглядит сомнительным. Мне представляется, что для более обоснованного вывода недостаточно данных об ассигнованиях на развитие человеческого капитала. Важно еще использование этих ассигнований. В 2000 годы значительная часть этих ассигнований либо прямо разворовывалось, либо использовалась на повышение оплаты руководства вузов и научных учреждений и фантастически разросшегося управленческого персонала, совершенно не сопровождавшееся улучшением организации науки и учебного процесса в вузах и научных учреждениях, здравоохранении. Мне кажется, что эти обстоятельства следовало бы отметить.

Совершенно оправданно Диденко сопровождает оценки динамики человеческого капитала помимо стоимостных показателей в сопоставимых ценах натуральными показателями. Среди них помимо количества лет обучения и грамотности находятся и данные о книжной продукции: количестве наименований и тиражах (с. 187-190). Как в свете этих показателей книжной продукции выглядит динамика человеческого капитала в постсоветский период? Для первой половины 1990 годов оба они демонстрируют деградацию. Для 2000 годов по сравнению с поздним советским периодом число наименований показывает заметный рост, а тиражи – лишь небольшое восстановление. Какому показателю отдать предпочтение? Диденко отдает предпочтение первому. Падение тиражей он связывает исключительно с цифровой революцией (с. 189-190). У меня есть сильное сомнение в обоснованности этого вывода. Значительное количество наименований определяется, как мне представляется, уникальными особенностями книгоиздательства в постсоветский период. Впервые книгоиздателями стали многочисленные мелкие (часто с 3-5 наименованиями в год, в основном за счет средств авторов) частные издательства и издательства вузов и научных учреждений. Сотни вузовских издательств издавали тоже преимущественно ничтожными тиражами учебники и учебные пособия своих преподавателей, которые затем под угрозой незачета и низкой оценки на экзамене навязывались несчастным студентам. Как мне представляется, в силу сказанного предпочтение для постсоветского периода в качестве индикатора динамики человеческого капитала следует отдать тиражам книг.

Очень ценной особенностью диссертации является исследование взаимосвязи между модернизацией и социальной дифференциацией (глава 2). Этот аспект модернизации в российской экономической литературе освещается крайне редко и некачественно. Российского читателя здесь ждет ознакомление с огромным количеством новых фактов и теорий в отношении связи дифференциации доходов и уровня развития на различных этапах

модернизации, многочисленные и очень интересные расчеты автора этого показателя в отношении России, других республик бывшего СССР и СССР в целом, ряда развитых и развивающихся стран. Диденко убедительно показывает (с. 127-133) негативное влияние чудовищного социального неравенства в РФ на развитие человеческого капитала. Здесь следует иметь в виду, что официальная статистика России, на которую опирается Диденко, как показали ряд российских исследователей и мои подсчеты начала 2000 годов (Ханин Г.И., 2002. Перераспределение доходов населения как фактор ускорения экономического развития и обеспечения социальной стабильности // ЭКО. № 6), серьезно недооценивает размеры социальной дифференциации.

В целом, несмотря на некоторые упущения, я очень высоко оцениваю представленное Д.В. Диденко диссертационное исследование и считаю его одним из наиболее содержательных и глубоких экономических произведений последних лет в России. Оно полностью соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Дмитрий Валерьевич Диденко, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория (область исследования: экономическая история).

Ханин Г.И.

доктор экономических наук,

профессор кафедры экономической теории

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

Адрес: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

Телефон: (383) 373-13-02

Электронная почта: khaning@yandex.ru

